

Новый героизм

На протяжении некоторого, недавно минувшего, времени мир был зрителем двух походов, двойного рода завоеваний, которые были совершены почти одновременно, но которыми можно было бы символизировать совершенно различные эпохи в истории развития духовно-нравственного сознания человечества. Это была Итальянская военно-колонизальная экспедиция в Абиссинию, которую, может быть, даже слишком поспешно все постарались забыть, и ряд экспедиций для завоевания Арктики русских летчиков, изумивших и экзальтировавших тогда своими подвигами весь мир.

В этих двух экспедициях, как ни расценивать их с точки зрения чисто практической, идеологически сказалось различие целых двух мировоззрений, двух совершенно различных уровней нравственного сознания человечества. С одной стороны, старый, как мир, и уже дряхлый, умирающий героизм прежних времен, направленный на завоевание и торжество над себе подобными, на военную славу и доблесть оружия; и с другой стороны, рождающийся **новый героизм** грядущих времен, направленный на завоевание и подчинение Человеком Природы, на овладение им своей Судьбой. Требующиеся отвага, мужество, жертвенность здесь не меньшие, а большие, чем там; но доблесть оружия здесь уступает место творческому и изобретательскому гению человека, военное мужество — мужеству нового высшего порядка, в котором не звереет, а возвышается человек. Ибо там человек — лишь орудие эпизода одних и порабощения ими своей власти других; здесь он на службе Общему Благу, несущему не порабощение, а Освобождение всем.

Прежний героизм — лишь условный и относительный героизм. Он является таковым лишь в **субъективном** смысле — со стороны побуждений и внутренних состояний самого человека, являющегося его носителем; но не в **объективном** смысле, не по предмету, на который он направлен, ибо в факте порабощения одного народа другим, одной части людей другой частью нет ничего героического, как нет ничего героического и во всех тех разрушениях, убийствах и уничтожениях ценностей, которыми сопровождается война.

Новый род героизма, впервые в нашу эпоху рождающийся, является героизмом в подлинном **собственном смысле**. — Не только в субъективном отношении, по психологии носителя своего, но и в объективном смысле, по самому своему предмету. Он направлен на подлинно Общее Благо, приносящее всему роду человеческому величие и мощь; он творит Дело, являющееся в самом себе положительным и благостным.

В том завоевании присутствует не только Любовь — любовь к своему отечеству, к своему народу, но и ненависть, — ненависть к другому народу, к другой стране; здесь же, в усилиях, направленном на овладении Человеком своей Судьбой, в частности, на покорение Природы, присутствует одна чистая Любовь, одна преобразующая мир воля. И там антагонизм, дисгармонические отношения ненависти и разделения не только не разрешаются в новом высшем модусе сосуществования, но, наоборот, закрепляются или даже впервые устанавливаются, ибо часто мирно сосуществовавшие народы, в результате войны и утеснения одного из них другим, превращаются в наследственных, исторических врагов, плодя в мире ненависть и дис-

гармонические силы разрушения, растрчивая силы не на утверждение Общего, а на взаимное отрицание и умаление друг друга.

В новом же завоевании, в котором творческий мироорганизующий гений Человека обращен к высшего порядка Победе и Борьбе, осуществляемый в нем подвиг преобразования мира несет подлинное разрешение существующему в мире дисгармоническому состоянию беспомощности и вражды, ограниченности и противопоставления. В результате его Человек — Человечество в целом больше может, большей суммой обладает благ, на большее простирается его организующая и властвующая Воля. В мире благодаря ему прибыло элементов гармонии и единства, он стал стройнее, подчиненнее, послушнее демиургической преобразующей воле Человека.

Главным содержанием войн и с ними связанного милитаристического героизма является убийство, смерть; тогда как новый Демиургический героизм, направленный на овладение человеком своей Судьбой, имеет, в частности, своим предметом, преодоление смерти. Первый направлен на разрушение, на уничтожение ценностей, второй — на их созидание, творчество. Следовательно, если в первом утверждении одних достигается за счет отрицания других, то во втором осуществляется одно общее и подлинное Утверждение, — беспорное и объективное Благо всех. Войны, а особенно постоянные грандиозные приготовления к ним, несомненно являются величайшей растратой человеческих сил — не только материальных, но и моральных: сюда уходит бездна материальных средств, человеческих жертв, изобретательности, таланта. И если бы вся эта чудовищная масса столь преступным образом растрчиваемых возможностей, была направлена в русло положительного созидания, улучшения и усовершенствования жизни, это в немалой степени могло бы облагодетельствовать весь род человеческий. Теперь и созрело время для переключения всех этих гигантских возможностей, растрчиваемых в войнах и вооружениях, в новое русло подлинно героического утверждения Человека, на пути единственно достойных его Победы и Борьбы.

Уже Фихте поворил, что человечество, которое чванится детским героизмом войн, показывает, что оно «не доросло еще до возраста познания стыда». Но для нашего времени — тут уже не одно чванство, обусловленное сознанием, не доросшим до «возраста познания стыда». Для нашего времени здесь кроется опасность чудовищного, страшного преступления, которое может привести к гибели всего благосостояния и культуры современного человечества. Остановимся для иллюстрации этого лишь на одном примере.

Во всех древних мифах способность полета приписывалась лишь высшим существам, неким полубогам. Что представляет собой, особенно теперь, старый, уже выродившийся милитаристический героизм, показывает уже то, во что обращается орудие этой заветной мечты человека о полете теперь в войне и благодаря ей. Чудо творческого гения человека и величайший фактор единения людей — авиация в войне и благодаря ей, обращается в самое страшное орудие разрушения и средство вражды и разъединения людей.

И если в демиургическом применении средств авиации авиатор есть подлинный герой, каким он и является по своей чувственной функции осуществителя древней мечты человечества о полете, то в войне он попросту вульгарный убийца, играя словами, — не летчик, а налетчик, обращающий самое прекрасное создание человеческого гения в орудие нападения, часто — на мирное и беззащитное население, женщин и детей. — Поистине, сколь величественно и прекрасно средство и как гнусно, подло и преступно применение! В таком обращении авиации, этом, повторяем, согласно всем древним

сказаниям, атрибуте лишь высших богоподобных существ, в орудие нападения и убийства беззащитных женщин, детей и стариков, есть нечто от самого низкого и гнусного кощунства над святынями творческого гения человечества, самое подлое надругательство над благороднейшим созданием человеческой культуры. Даже сказать, что это варварство — было бы несправедливостью и клеветой на настоящих варваров, ибо то, что прощительно и даже естественно у детей, гнусно и омерзительно, когда его делают взрослые. А в данном случае дело идет именно о «взрослых» в историческом смысле.

Таковы некоторые «подвиги» старого милитаристического героизма в преломлении его в условиях современности.

Знаменательно, как встречен был и как воспринимался в широких народных массах разных стран тот и другой род завоеваний, о которых говорилось выше. Итальянская военно-колониальная экспедиция явно была воспринята, как обыкновенный поход за добычей, не обусловленный даже подлинным конфликтом, ибо вся аргументация нападающей стороны сводилась, в сущности, к доводу «волка» из басни Крылова: «ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Даже в самой Италии, несмотря на все усилия правящих кругов, никакой «мистики» национального самоутверждения не получилось, и сами разжигатели «энтузиазма» чувствовали фальшь этого, смутно сознавая, что это больше уже не «вдохновляет». В мире же вообще и даже в той части его, которая сочувственно относится к самому режиму фашизма, было лишь то оправдание, что, дескать, народ бедный, а есть тоже хочет. Можно сказать: никаких «иллюзий», никакой «идеологической надстройки». В отношении к войне люди действительно стали материалистами, не находя ей больше никакой высшей санкции, — а это означает, что идея войны умерла. Страшно разожглась лишь похоть войны, т. е. ее хищные вожделения и взаимная ненависть, что еще более дискредитирует ее и дисквалифицирует былой ее героический ореол.

Смертельный удар идее войны был нанесен уже в последнюю мировую войну, которая вся была разыграна в духе настоящего экономического материализма — без всякого героизма, без всякой «идеологической надстройки». Но и помимо этого самоизобличения ложной мистики войны, человечество созрело уже для более высокого и достойного его героизма. Одним из проявлений этого нового Демиургического героизма и являются подвиги русских летчиков, представившие новый шаг в завоевании человеком Природы.

Поэтому совсем иначе, несмотря на отрицательное отношение к внутрироссийскому режиму, удерживающему великий, подлинно «крылатый» народ на уровне низменно-скотского материалистического мирозерцания — мир встретил героические экспедиции русских летчиков. Это были настоящие триумфы подлинных, не обгаренных кровью, победителей. После всеобщего напряженного внимания, сопровождавшего героев в их трудной и смертельно опасной борьбе, мир разрядился бурей восторгов, признательности, восхищения. Чувствования, торжества, чувства изумления объединили всех: люди — в подлинном смысле этого имени — праздновали свою настоящую, достойную их Победу.

Такой различный прием, оказанный миром двум родам завоеваний — русскими летчиками Арктики и итальянскими войсками Абиссинии, свидетельствует о том, что и на поверхности повседневного существования уже сказывается тот великий духовный переворот, который совершается в нашу эпоху в глубинном подпочвенном историческом плане.

П. Б.